УДК21:316.3

КОНЕЦ ИЛИ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОГО

Цыгуля Н.П.
РГСУ, Москва

Статья посвящена феномену сакрального в современном обществе потребления. Автор заостряет внимания на тех областях жизни этого общества, в которых наблюдается процесс де- и ресакрализации и приходит к выводу, что в условиях кризиса религиозных институтов важнейшим фактором сакрализации в обществе становится искусство, обращающего человека к вытесненному содержанию его социального существования.

Ключевые слова: десакрализация, ресакрализация, общество потребления, катарсис, репрезентация смерти

Современное западное общество пребывает в состоянии кардинальных преобразований, охватывающих все сферы культуры, социальной и политической жизни. Этот процесс обусловлен кризисом идей Просвещения и неизбежно порождаемым этим кризисом возвращением к более ранним формам идеологии и культурной организации, которые, как казалось ещё в XIX веке, навсегда остались в прошлом. Духовный кризис, в котором находится современное общество потребления, определяется двумя важнейшими факторами: значительной рационализацией и механизацией жизни, из которой уходит сакральный элемент, и опошлением культуры, являющимся следствием утраты влияния элитарной культуры, диктовавшей свои ценности массам в более ранние эпохи. В данной статье предпринимается попытка взглянуть на кризис современной секулярной культуры в перспективе проблемы сакрального, волнующей гуманитарную мысль последних двух веков. Такой подход объясняется тем, что именно от того, выработает ли современная западная культура новые формы сакрального и каковы будут эти новые формы, во многом зависит её дальнейшая судьба. Последние тенденции в духовной сфере западного общества, подводят нас, однако, к грустным вопросам: может ли профанное сделаться тотальным, поглотив всё социальное пространство? Является ли наше время эпохой конца сакрального? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать те аспекты жизни современного общества, в которых феномен сакрального выявляется в его динамике и изменчивости. Иными словами, эксплицировать процессы де- и ресакрализации, которые характерны для общества постмодерна.

Прежде всего необходимо обратить внимание на те тенденции, которые связаны с кризисом традиционных церковных институтов, начавшегося в эпоху Просвещения и приобретшего колоссальную силу в наше время. Современная ситуация такова, что классическое христианство не способно быть путеводным маяком в жизни большинства членов секулярного общества. В настоящее время христианство полностью утратило свою монополию на сакральное, а значит, на право и возможность прививать членам общества определённые ценности и наделять их определёнными ориентирами, позволяющими подчинять своё существование тем или иным целям и задачам, придающим смысл этому существованию. Значит ли это, что произошла элиминация сакрального и данных ценностей из социального пространства или речь идёт лишь о том, что из сферы церковной жизни оно сместилось в какую-то другую его сферу?

Очевидно, что упадок церковных институтов не повлёк за собой полного исчезновения сакрального из поля социальной жизни и тотальной рационализации последнего. Скорее можно констатировать здесь другой процесс: утрату социумом единого сакрального центра и диффузию

сакрального в социальном пространстве, в котором на первый план (в этом смысле) выходят сакрализованные сингулярные точки, представляющие индивидуальное и единичное измерение сакрального. В качестве наиболее значимой из таких точек следует назвать личную жизнь индивида, которая по мере процесса секуляризации и ослабления влияния церкви, напротив, всё больше сакрализировалась и валоризировалась. Этому в значительной степени способствовала необходимость решения тех проблем, которые возникали перед современным обществом в плане разработки идеологии межличностного общения, прав человека и медицинской этики и которые требовали выработки новых ценностных ориентиров, учитывающих права личности. Именно этим переходом от внутрицерковного к философскому и этическому решению подобных аксиологических вопросов и характеризуется нынешняя ситуация. «Рецессия религиозной практики, которая сильно ограничивала саму зону сакрального в соответствии с “руководствами”, Бога или Церкви, требование нерелигиозных норм для определения этики, биоэтики, сексуальной свободы – все эти элементы конституируют фундаментальные факторы мутации сакрального…» [3; С.49].

Итак, для современной светской культуры характерна в первую очередь сакрализация индивида и его частной жизни. Философы, пишущие о тех явлениях, которые характеризуют сознание современного секулярного общества, отмечают два взаимно пересекающихся процесса: гуманизацию божественного и обожествление человеческого*. На первое место сегодня выходит «примат индивида и ценность личного опыта» [3; С.50]. Очевидно, такая сакрализация отдельного индивида и его опыта вовсе не случайна и продиктована всей логикой развития европейской культуры как культуры прежде всего *христианской*. Именно христианство, в противоположность другим мировым религиям, получившим статус государственных, выделило индивидуальную жизнь как наиболее ценную и наиболее тесно связанную с опытом постижения Бога. Идея сближения интимного и сакрального, безусловно, имеющая определённые истоки в самой человеческой психологии, была превращена христианством в один из принципов своего учения, который был выражен в знаменитой фразе Августина: *Deus interior intimo meo***. Внутренний Бог, о котором говорит Августин в «Исповеди», наделяет особой ценностью внутреннюю жизнь человека. Более того, в христианстве непосредственная связь с Богом возможна только через внутреннее его переживание и единение с ним, наблюдение же за природными явлениями может дать лишь опосредованное знание о Боге, не имеющее уже такой большой значимости. Христианство как разновидность религии сосредотачивает всё внимание индивида на его внутреннем мире, который, в силу своей причастности божественной реальности, сакрализуется. Отсюда тот примат индивидуального, который является отличительной особенностью христианства, служа надёжным фундаментом для формирования впоследствии либеральной идеологии, наделяющей личность высшей ценностью и видящей в качестве главной цели существования государства именно обеспечение неотъемлемых прав личности. Разумеется, такая идеология могла возникнуть только в рамках развивающейся христианской культуры, поскольку ни индуизм, ни конфуцианство, ни мусульманство не предоставили условий для зарождения подобной политической концепции.

Исходя из логики противопоставления сакрального и профанного, можно сделать неизбежный вывод о том, что сакрализация внутреннего мира человека и его личного опыта должна, напротив, наделить его внешнюю жизнь профанным характером. В принципе, такое разделение является естественным, поскольку наиболее органично для переживания самим человеком своего существования в мире. Однако коллективный характер большинства культур (начиная с самых архаичных) не позволял институциализировать этот тип сакрализации. В культурах иного типа интимное, имеющее всегда смысл скрытого, сокровенного и сакрального, объективировалось в каком-то коллективном образе или фетише, будь то фигура монарха, герб государства или религиозный символ.

В современном обществе сакральное как бы вернулось к своему истоку: невидимой стороне человеческого существования, доступной только самому человеку. Конечно, современный человек тоже вынесен за пределы самого себя и живёт в социальном пространстве, которое подчиняет его собственным правилам и объективирует его сущность. Однако при всём при этом современный человек ощущает надёжную стену, отделяющую его внутренний мир от внешних влияний. Он с большим скепсисом относится к тем *большим идеям*, которые не так давно кружили голову многим европейцам. Сегодня эти большие идеи выброшены на свалку истории вместе с их создателями.

Это, конечно, не говорит о том, что современный человек вообще утратил веру в какие-либо идеи. Речь идёт лишь о том, что такая вера не является тотальной. Она может объединять людей в относительно небольшие сообщества, довольно часто носящие маргинальный характер. В условиях современного плюрализма, характеризующего свободный мир, победа одной из этих идеологий над остальными представляется, по меньшей мере, маловероятной. Тем не менее каждая из этих идеологий осуществляет сакрализацию определённых образов и представлений, выдавая их за саму реальность. В результате этой, нерелигиозной, по сути, сакрализации происходит конституирование определённых ценностей. На смену монизму христианской сакрализации приходит, таким образом, плюралистическая сакрализация постмодерного общества. Отсутствие единого религиозного понимания сакрального, утраченного вследствие секуляризации общества и, как следствие, распространения атеизма, заставляет людей создавать различные формы сакрализации, распространяющиеся на иные, нежели религиозные, предметы и явления, однако наделяемые при этом сходным с религиозным смыслом. Этот процесс заметно влияет на становление «локальных» идеологий, служащих как объединению людей вокруг этих «сакральных» объектов, так и способствующих манипуляции людьми путём использования их естественной потребности в сакральном. Присущую человеку устремлённость к высшим ценностям, дефицит которых испытывает современное сознание, современные идеологи и политиканы используют для осуществления своих личных целей. При этом они обычно играют на бессознательных импульсах и низменных инстинктах толпы, стараясь внедрить в массовое сознание те идеи, олицетворением и проводником которых они являются.

Будучи своеобразными попытками воскресить сакральное как способ структурирования и упорядочения социальной жизни, данные идеологии приводят, однако, к противоположному результату: обнаруживают пустоту и ложность своих представлений и идеалов. Это объясняется прежде всего тем, что, существуя в рамках плюрального общества, они не способны выдержать критики со стороны противоположных им идеологий и, следовательно, не способны заставить поверить им всерьёз. Результатом этого становится общая десакрализация социального пространства, полная утрата каких-либо ценностей и тотальное «ослабление реальности». Необходимо, однако, отметить, что упадок и деградация коллективных идеологий сакрального, основным признаком которых является *объективация* сакрального в социальном пространстве, порождает процесс усиления интериоризации сакрального, которое становится достоянием исключительно внутренней жизни индивида, а не каких-то сверхличных идей и ценностей. Наблюдая за карнавалом различных идеологий и ценностных ориентаций и не доверяя ни одному из предлагаемых ему образов реальности, индивид проникается чувством утраты смысла происходящего в мире и возвращается к своей частной жизни как единственной подлинной реальности, пусть даже эта реальность сама по себе не отличается богатством содержания и духовного наполнения. Только это существование в его имманентности и имеет для него смысл и реальность, всё остальное представляется только игрой, спектаклем и симуляцией.

Однако смысл этой индивидуальной реальности обнаруживает себя главным образом в экзистенциальных ситуациях, когда человек оказывается на пределе сво-

их возможностей и осуществляет принципиальный для его жизни выбор. Поэтому сакральное, как и в эпоху раннего христианства, заявляет о себе не в момент экстатического выхода за пределы своей имманентности, а напротив, в момент погружения вглубь самого себя. Однако такое погружение в самого себя не означает теперь обретения связи с божественным как внеположным мне самому, а напротив, означает переживание своей конечности и невозможности трансцендировать собственную природу. Сакральное, таким образом, обретается в самой невозможности окончательного разрешения тайны бытия, в качестве которой раньше выступала *вера*. Подлинный опыт сакрального для современного секулярного сознания поэтому возможен не путём обретения веры, а путём эстетического переживания таинственности самого бытия, раскрывающегося нам, в частности, в момент переживания произведений искусства. Искусство представляет собой секуляризованный вариант религии. С одной стороны, безусловно, искусство профанирует религиозный смысл, поскольку, как отмечает Борис Гройс, само появление искусства связано с профанацией сакрального. Однако, как пишет тот же Гройс, смысл сакрального двойствен: под ним следует понимать не только возвышенное и святое, но и *нечистое*, *табуированное*. «По латыни “sacer” означает, как известно, равно святое и нечистое. По меньшей мере со времен Роже Кайуа и Жоржа Батая мы знаем, что все относящееся к испражнениям сакрально, т.е. запретно, табуизировано. Дюшан и Манцони таким образом находятся в старой, доброй традиции профанации сакрального — с учетом не менее традиционной замены святого на нечистое» [2]. Вряд ли, однако, речь в данном случае идёт о десакрализации. Скорее тут необходимо говорить о новом смысле сакрального, который, на самом деле, не противоречит изначальному его смыслу. Этот «новый смысл» сакрального заключается в том, чтобы обнажить перед человеком саму реальность, находящуюся по ту сторону добра и зла. В этом, очевидно, и состоит сакральный смысл современного искусства, которое следует понимать как искусство трансгрессии, нарушения запретов.

Возвращение к реальности, в данном случае, означает прежде всего возвращение к тому, что вытеснено современной культурой из сознания человека. Таким тотально вытесненным является смерть. «Вся наша культура – это одно сплошное усилие отъединить жизнь от смерти, обуздать амбивалентность смерти, заменив её одним лишь воспроизводством жизни как ценности и времени как всеобщего эквивалента. Отмена смерти – наш фантазм, развивающийся во все стороны: в религиях это фантазм загробной жизни и вечности, в науке – фантазм истины, в экономике – фантазм производительности и накопления.

Ни одна другая культура не знает подобной различительной оппозиции жизни и смерти, где жизнь выступала бы как положительный член: жизнь как накопление, смерть как расплата» [1; С.264].

Смерть как истина человеческого существования, безусловно, имеет сакральный смысл. Но это сакральное не в смысле чего-то позитивно переживаемого, а именно, сакральное в собственном смысле слова: сакральное как тайна, как невозможность быть постигнутым, как сам предел человеческого, который сакрализует его само. Смерть сакральна именно как *моя смерть*, поскольку выступает в качестве абсолюта, придающего смысл всему моему существованию. Смысл окончательный и завершённый. Если современный человек утрачивает осознание трагизма своего существования, в чём, согласно Бодрийяру, и заключается главный его трагизм, то это потому, что он утрачивает способность мыслить смерть как *свою*. Поэтому искусство должно вернуть ему эту способность, вернув ему тем самым и антропологическую форму его существования.

Искусство является тем институтом, который способен говорить о смерти, не скрывая её прямого смысла. Этим оно принципиально отличается от религии. Поэтому именно искусство, в условиях современной культуры, может сакрализировать социальное пространство и наделить человеческое существование определённым смыслом, заключающимся не в

том, чтобы нейтрализовать смерть, а напротив, в том, чтобы жить перед лицом смерти, поскольку только такая жизнь может иметь собственно человеческий смысл: «наша, реальная/воображаемая смерть может лишь искупаться индивидуальной работой скорби, которую субъект осуществляет над смертью других людей и над своей собственной смертью ещё при жизни. Этой работой скорби питается вся западноевропейская метафизика смерти, начиная с христианства и вплоть до метафизического понятия влечения к смерти» [1; С. 265].

Таким образом, современная секулярная культура, в целом, вытесняет смерть из сознания человека, однако благодаря искусству смерть вновь возвращается в виде некого симптома, проглядывающего в произведениях искусства. Тем самым искусство осуществляет процесс ресакрализации социального пространства и возвращения человека к традиционной шкале ценностей, интериоризация которой становится возможной лишь в результате осуществления определённого опыта. Искусство способно приобщить нас к подобному опыту благодаря тому, что оно может репрезентировать те вещи, которые никогда не могут быть нами пережиты реально. Одна из таких вещей – смерть. Смерть как сакральное и как условие сакрального, позволяющее пережить его опыт в силу своего присутствия в имманенции человеческого существования, так же не упразднима из человеческой реальности, как и само сакральное. Поэтому, отвечая на вопросы, поставленные нами в начале, можно сказать, что в условиях современного секулярного общества именно искусство способно внести сакральный смысл в существование человека, удерживая это существование от тотальной профанации и опошления.

Примечания:

* См., в частности: Luc Ferry. L'homme-Dieu ou le sens de la vie, Paris, 1996.

** Бог пребывает во мне глубже, чем моя интимная сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

2. Борис Гройс. Художник в эпоху товарного фетишизма // http://www.sotsart.com/russian/critique/groys.html

3. Michel Meslin. Le sacre et l’intime. // Le christianisme dans la societe. Paris: Le Cerf, 1998. – 335 p.

THE END OR REACTUALIZATION THE SACRAL

Tsygula N.P.
RSSU, Moscow

The article is devoted to a phenomenon of sacral in a modern consumer society. The author points attention at those areas of life of this society in which the process of de- and resacralization is observed and comes to a conclusion that in the conditions of crisis of religious institutes the major factor of a sacralization in a society becomes art, turning a person to the superseded contents of its social existence.

Keywords: desacralization, resacralization, a consumer society, catarsis, representation of death